

Чтобы добиться освобождения под залог, необходимо либо внести денежную сумму, либо поручиться за подсудимого — третьего не дано.

Янь Суйчжи невозмутимо повернул кольцо на пальце и с обезоруживающей прямоотой произнес:

— Раз уж я стою перед вами, неужели залог станет для нас проблемой?

Судья на мгновение задумался и покачал головой:

— В Городе Вина не приветствуется, когда адвокаты сами вносят залог за клиентов или выступают их поручителями...

Янь Суйчжи вскинул брови:

— Разве законы Союза это запрещают?

— В Союзном законодательстве такого запрета нет, — признал судья.

— То есть Город Вина решил устроить бунт и втихомолку состряпал собственные правила?

Судья лишился дара речи. Подобный намек пахивал серьезным нарушением — попробуй оправдайся перед высшими инстанциями!

— Мы действуем строго по закону, так в чем же сложность? — подытожил Янь Суйчжи.

Судья устало потер лицо.

Спустя пару минут он наконец взял судейский молоток, который до этого задумчиво вертел в руках, и гулко ударил по подставке.

— Прошу всех встать.

Янь Суйчжи и так стоял. Он лишь небрежным жестом расправил складки мантии и перевел взгляд на судейскую трибуну.

— Рассмотрев ходатайство об освобождении Джошуа Даллера под залог, суд постановляет...

В зале заседаний воцарилась мертвая, почти осязаемая тишина. Судья выдержал весомую паузу, обвел взглядом присутствующих, задержавшись на обвинителе и Янь Суйчжи, и наконец звучно произнес:

— Ходатайство удовлетворить. Освободить под залог.

Присутствующие начали собирать бумаги и потянулись к выходу. Янь Суйчжи обернулся. Гу Янь, откинувшись на спинку кресла, терпеливо ждал, пока тот сложит свои вещи.

Янь Суйчжи призадумался и решил, что пришло время изобразить эмоции, подобающие обычному стажеру в такой момент. Он демонстративно прижал ладонь к груди, глубоко вздохнул и прошептал:

— Ух, как же я разнервничался. Слава богу, хоть заикаться не начал.

Гу Янь лишь промолчал, выразительно на него посмотрев.

Спускавшийся с трибуны судья споткнулся на полуслове.

Проходивший мимо прокурор едва не выронил планшет.

— Господин Жуань? — к ним подошел молодой помощник судьи, держа в руках свежераспечатанный бланк. — Для внесения залога вам нужно подписать документы о поручительстве.

Янь Суйчжи согласно кивнул и взял стилус:

— Разумеется.

А затем с самым непринужденным видом протянул бумаги наставнику:

— Прошу вас, учитель Гу. С вас подпись и оплата.

Гу Янь застыл с каменным лицом.

На самом деле этот шаг они обсудили еще накануне вечером. Собственно, ради этого Гу Янь и уступил трибуну своему стажеру.

Судьи частенько недолюбливают адвокатов, которые лично берут подзащитных на поруки или вносят за них деньги. Оставшись в тени и не вступая в открытую полемику во время заседания, Гу Янь надеялся смягчить возможную предвзятость суда.

План казался надежным и безопасным, но кто же знал, что этот несносный стажер, едва оказавшись за трибуной, мгновенно забудет о субординации и пойдет напролом, отбросив всякую деликатность...

— Учитель Гу, у вас зубы разболелись? — с невинной улыбкой поинтересовался Янь Суйчжи.

— У меня все болит, — сухо отрезал тот. Одарив стажера ледяным взглядом, он склонился над столом и размашисто расписался в бланке.

Янь Суйчжи проводил взглядом кончик стилуса, мысленно прокручивая в голове прошедшее заседание.

«Пожалуй, стоило вести себя скромнее. Надо было пару раз запнуться для приличия — так я больше походил бы на неопытного новичка»

Впрочем, напористые стажеры тоже встречались нередко. Тот же Гу Янь в юности наверняка вел себя в суде ничуть не мягче. К тому же его подопечный сейчас не выказывал никакого недовольства, и в холодном взгляде не читалось ни капли подозрения.

«Значит, маскировка держится?»

Профессор Янь, ничуть не смущаясь собственной наглости, мысленно поставил себе за дебют твердые девяносто баллов. За исключением легких огрехов в актерской игре, все прошло безупречно.

В конце концов, излишняя робость и суетливость лишь привлекают ненужное внимание и вызывают лишние вопросы. Куда разумнее держаться с абсолютной уверенностью: когда ты ведешь себя так, будто весь мир играет по твоим правилам, у окружающих просто не повернется язык усомниться в твоей искренности.

Они вышли из Зала судебных заседаний номер семь друг за другом и на пороге служебного коридора столкнулись с Джошуа Даллером.

Мальчишка выглядел ужасно: он стоял понуриив голову, словно в глубоком оцепенении. За его спиной конвоиры втихомолку переговаривались с судебными приставами.

— Эй, просыпайся. Твоя остановка, — окликнул его Янь Суйчжи.

Прошло несколько томительных секунд, прежде чем конвоир бесцеремонно хлопнул парня по плечу. Джошуа вздрогнул, вскинул голову и уставился на адвоката мутным, непонимающим взглядом широко распахнутых изумрудных глаз:

— Все... уже закончилось?

Янь Суйчжи со вздохом обернулся к коллеге:

— Похоже, он действительно спал наяву.

— Давно закончилось. Почему вы так долго? — Гу Янь требовательно посмотрел на конвоиров.

Джошуа горько, обреченно усмехнулся и сгорбился еще сильнее:

— Ну конечно. Конец представлению. Теперь обратно в эту гребаную камеру...

Янь Суйчжи и Гу Янь переглянулись.

— Ты что, действительно умудрился вздремнуть во время слушания? — хмыкнул Янь Суйчжи.

— Суд одобрил освобождение под залог. С какой стати тебе возвращаться в изолятор?

— Да знаю я, что у меня нет шан... — Джошуа осекся на полуслове. Его сонные глаза округлились. — Что вы сказали? Повторите! Что вы только что сказали?!

— Суд удовлетворил прошение, — Янь Суйчжи умерил свой обычный шутливый тон. В его голосе зазвучали непривычная мягкость и терпение.

Подросток уставился на него так, словно адвокат заговорил на чужом, неведомом языке. Ссутулившись и втянув голову в плечи, он казался не четырнадцатилетним мальчишкой, а дряхлым, глухим стариком, на которого навалилась непосильная тяжесть прожитых лет.

— Я говорю, тебя отпускают. Ты свободен и можешь идти домой, — отчетливо, разделяя каждое слово, повторил Янь Суйчжи.

Зеленые глаза Джошуа мгновенно налились кровью. В них отразилась целая буря эмоций: дикий страх, надежда, неверие, — но он отчаянно пытался сдержать этот рвущийся наружу ураган.

Парень впился взглядом в лицо Янь Суйчжи, словно пытаясь отыскать там следы издевки, а затем резко обернулся к конвоирам.

— Все верно, парень. Я же говорил тебе об этом, когда мы выходили из зала. Совсем оглох от страха? — подтвердил один из охранников.

Бросив быстрый взгляд на юристов, он добавил более примирительным тоном:

— Да-да, ты свободен. Не заметил, что мы больше не держим тебя под руки?

Оформив последние формальности с приставами, конвой вежливо кивнул адвокатам и направился к выходу.

Только теперь до Джошуа наконец дошел смысл происходящего.

Он постоял неподвижно, низко опустив голову, а затем рывком закрыл лицо ладонями.

Спустя секунду тишину коридора нарушил тихий, надрывный всхлип, который перерос в глухие, судорожные рыдания.

— Погоди, не торопись проливать слезы, — Янь Суйчжи остался верен себе и, проигнорировав трогательность момента, иронично хмыкнул: — Кто там хвастался, что если все получится, назовет нас дедушками, а?

Сжав зубы, Джошуа изо всех сил попытался подавить плач. Не отнимая рук от лица, он лишь судорожно кивнул и выдал глухой, влажный звук согласия.

— Хотя ладно, избавь нас от этого одолжения, — притворно вздохнул Янь Суйчжи. — Нам такие чумазы внуки без надобности.

Гу Янь выразительно закатил глаза.

Рыдания Джошуа мгновенно прекратились.

Насупившись, он упрямо отступил на шаг назад, словно боясь оскорбить тонкое обоняние господ адвокатов тюремным духом.

— Хватит сырость разводить. Дуй домой, прими ванну и приготовь сестре нормальный ужин. Вы оба истощены так, что смотреть страшно, — велел Янь Суйчжи.

Упоминание о сестре подействовало на мальчишку как разряд тока. Он торопливо вытер кулаками мокрые щеки и бросился к выходу из здания суда.

— Сегодня отдыхай, я приду завтра... — попытался напутствовать его Гу Янь, но упрямого сорванца и след простыл.

— И даже «спасибо» не дождешься, — Янь Суйчжи покачал головой вслед беглецу, а затем с улыбкой повернулся к Гу Яню: — Что ж, первый раунд за нами. Предлагаю отметить. Пойдем, я угощаю.

Гу Янь смерил его скептическим взглядом:

— На твои пять тысяч двадцать два си?

— Презираешь мою скромную бедность? — прищурился Янь Суйчжи.

— Интуиция подсказывает мне, — ровным тоном произнес Гу Янь, — что за твоей внезапной щедростью кроется какой-то подвох.

<http://bllate.org/book/18278/1751032>